

ЗАКОН И ПРАВЫ

(Из жизни Запада)

Где проходит грань между обычаем и законом? Когда обычай может и должен быть санкционирован и занесен в кодекс?

Вилье де Лиль-Адан говорит очень картинно: «Паскаль утверждает, что с точки зрения фактов добро и зло, это — вопрос географической широты»¹. Действительно — известный поступок считается преступлением здесь, а там он является поступком похвальным, и наоборот... В Лапландии честь отца семейства требует, чтобы дочь его являлась объектом всех любезностей, находящаяся в распоряжении путешественника, принятого около его очага. На севере Персии у кабульских орд, которые живут в очень древних гробницах, если вы, будучи сердечно приняты в какой-нибудь комфортабельной могиле, не окажетесь через двадцать четыре часа в интимных отношениях со всем потомством вашего хозяина, то можно надеяться, что вам просто-напросто оторвут голову — казнь эта весьма в моде в этих краях. Итак, действия наши безразличны, поскольку они совершаются на физическом плане: только совесть каждого делает их хорошими и дурными. Таинственная причина, лежащая на дне этого громадного недоразумения, есть, конечно, эта врожденная необходимость, которая неволит человека создавать себе предпочтение, быть совестливым, запрещать себе скорее то, чем это, — сообразно с веяниями его страны, в конце концов, можно сказать, что все человечество целиком забыло и старается вспомнить и ищет ошупью какой-то забытый закон.

Эта слепота и искание ошупью тем более ярко выражаются, чем ближе приходится сталкиваться юристам с регламентацией правонарушений в области любви и всего с нею соприкасающегося. «Да будет проклят тот мечтатель беспо-

лезный, — восклицает Бодлер в одной из своих инкриминированных пьес, — который честность смешал с любовными делами!...»² Этим летом английский суд приговорил одного молодого человека к двум фунтам стерлингов штрафа за покушение на кражу поцелуя: юноша хотел на улице поцеловать руку незнакомой дамы.

«Поцелуи дороги в Англии! — восклицает по этому поводу французский юрист. — Если покушение стоит пятьдесят франков, то сколько же стоила бы кража осуществленная?» Но если английский судья рассматривает вышеприведенный случай как кражу, то значит, по его мнению, поцелуй — это товар. Вот странное определение для судьи той страны, которая заявляет, что проституции не существует в ее пределах. Во Франции мы рассматриваем поцелуй как нечто стоящее вне торгового обмена, его можно дать, его можно похитить, но он не подлежит купле-продаже, перед лицом закона, по крайней мере. Кроме того, мы знаем, что английские суды применяют закон, не считаясь с полом обидчика. И мы, следовательно, имеем право представить себе обратный случай: если какая-нибудь красивая девушка вздумает поцеловать великовозрастного малого, этот последний будет вправе жаловаться в суд на «кражу поцелуя».

Другой юридический казус из практики английского суда: молодой иностранец, проведя несколько вечеров с одной девицей «с Пиккадили», после того, как он отказался уплатить ей чрезмерную сумму, которую она потребовала, был ею привлечен к суду за «нарушение обещания вступить в брак». Когда он, возмущенный этим обвинением, заявил судье, что никогда здравомыслящему человеку не может прийти в голову идея жениться на публичной женщине, судья ему ответил торжественно: «Милостивый государь, вы забываете, что в Англии проституции не существует и что все подданные его королевского величества имеют одинаковые права на уважение». Иностранец был признан виновным.

В этом же году молодой человек 25 лет обвинял 54-летнюю богатую вдову в нарушении обещания выйти за него замуж, и та была приговорена английским судом к 6250 франкам штрафа (25/IV — 1910).

Эти приговоры кажутся чудовищно смешными французским юристам, между тем, французский судебный кодекс готовится обогатиться новым законом, который вызовет не меньше судебных курьезов. Это закон о разыскании отчества (*Recherche de paternité*), проведенный уже Гюставом Риве через сенат и ожидающий только утверждения палаты депутатов. Реми де Гурмон беспощадно критикует его в своей последней статье,³ попутно высказывая свои *ria desiderata** в области «законодательной регламентации любви».

«Это дитя родилось в театре Амбигю (мелодраме), однажды всероном при неистовом восторге публики; затем оно было отдано на воспитание кормилице в фельетоны “*Petite Journal*”, откуда его извлек Дюма-сын для того, чтобы воспитать в *Comédie Française*, которая с комической заботливостью лелеяла его девственность. Оно (*la loi* — закон по-французски женского рода) выросло в комнате у консьержа, где г-н Гюстав Риве — сенатор — его заметил и увлекся им. Теперь судьба его обеспечена...

Закон мне нравится, так как это один из самых коварных законов, когда-либо созданных; ему суждено посвятить в сердце мужчины вечное опасение женщины. Под предлогом защитить женщину от нее самое он сделает из девушки пугало. Во Франции уже начали было устанавливатьсЯ обычаи взаимного доверия; мужчина уже обращался с девушкой по-товарищески, забывая старые общественные предрассудки, которые привыкли рассматривать одно из этих существ как охотничью собаку, а другое как дичь. Теперь это соглашение будет разрушено. ПоказатьсЯ публично добрым товарищем молодой девушки станет поступком очень серьезным, героическим почти: это будет значить принять на свои плечи ответственность за всю ее жизнь...

Мужчины, которым нужно защищаться от женского обаяния, научатся хитростям. Они сумеют избегать свидетелей, они не будут больше писать, они будут скрываться. Закон даст влюбленным манеры преступников. Он создаст преступников, как всякий уголовный закон. Вместо того чтобы

* Благие пожелания (*лат.*).

предотвратить несколько грязных историй (которых предотвратить ему не удастся), этот закон создаст тысячи других, которые без появления его лица – бесстрастного и глупого, разрешились бы сами собой, просто и согласно обычаю. Закон создает только бунтовщиков.

Так как отчество (*paternité*) не может быть ни доказано, ни опровергнуто, то, разумеется, озаботились сочинить юридические правила для его установления, и, натурально, правила эти не могут быть точными. Финансисты могут рассматривать этот закон как победу...

Я не говорю уже о других последствиях этого закона, который создан для поощрения проституции и адюльтера. Чем больше неженатый будет опасаться молодых девушек и свободных женщин, тем скорее он пойдет искать убежища у этих двух типов любви, гарантирующих его от шантажа...

Этот закон мог бы быть составлен удачнее. Женщину следовало попытаться защитить вовсе не от мужчины, а от предрассудков. В своде законов следовало бы написать так:

“Для женщины так же естественно рождать детей, как для яблони приносить плоды. Замужем ли эта женщина или нет, она одинаково достойна уважения, когда рождает ребенка. Розыск отчества воспрещается, так как ребенок принадлежит одной матери. Нормальный заработок или жалованье, получаемое женщиной, государство увеличивает еще такую же суммой, пока женщина беременна или пока она воспитывает детей, по закону находящихся всегда на ее попечении. Брак есть церемония свободная, государством не признаваемая. Закон не признает никаких преступлений полового характера – как-то прелюбодеяние, проституция и тому подобное, так как преступления эти не имеют никакого смысла в цивилизации, где оба пола, одинаково свободные, не имеют никакой на себе ответственности, кроме тех, которые они принимают сами на себя добровольно”.

В этом проекте закона не хватает нескольких параграфов (относительно наследства, между прочим), но мне думается, что он содержит все существенное. Впрочем, я не имею никаких иллюзий относительно возможности его осуществления.

Это не больше, чем тема для философских мечтаний. А кто знает, впрочем, не придется ли нам когда-нибудь читать *распоряжений*, составленных в таких выражениях:

“1-го июня... m-lle X., учительница, разрешилась от бремени здоровым ребенком... Жалованье ее удваивается с 1-го января сего года”.

Или приговор суда, осуждающий чету скаредных буржуа на столько-то лет каторги за то, что они выгнали на улицу свою прислугу под тем предлогом, что она забеременела...»

Вот высший уровень вод, вот точная температура морали интеллектуальной Франции.